

МЕРАЙЛИ

ЛЕТНИЕ ГЛАЗА

1980 ... 1992

© Мерайли, 1980–1992

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2011

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Три звезды

Был долгий август. Жалюзи бессонниц.
Когда в глаза не били фонари,
Я видел: небо, черное, как совесть, —
И три звезды. Осталось только три.
И вдруг моя святая простота
Осыпалась под странной мыслью: это
Последние, быть может, три кита —
Из тех, что в красной книге красным цветом.
Пока я верю, что друзья добры,
Надеюсь на разумность мирозданий,
Люблю стихи дарить Прекрасной Даме
И чувствовать, что по сердцу дары...
И лишь сомнений холод воскрешая —
Короткие узоры по руке,
Как песня на далеком языке:
Прекрасная, и все равно чужая.
Есть три звезды. И утверждают люди,
Что, может, мне в скитаниях моих
Придется всяко, только где-то будет
Все хорошо — пока я вижу их.
Но слепота, немая слепота!..
Как страшно понимать, что над планетой
Устало гаснет за звездой звезда,
И в листопадах заблудилось лето;
Что будет вечер, сказку малыши
Прослушают — и влезут с головою
Под небо, отвратительно пустое,
Где только пустота — и ни души;
И будет ночь, злодейская, как порох,
Когда в транзитных сонных городах
На виновато сгорбленных столбах
Качает ветер трупы светофоров.

ноябрь 1983

Ленинградские сны

Это правда. Минуты безвременно вянут
И приходят туда, где кончаются нити,
Где, тоскливо зевая, впадают в нирвану
Безработные звери на мокром граните.

Там, где ржавые цепи надменно сугубы,
Складки серых плащей уронив с парашета,
Каменеют от робости тихие губы,
Но вода — как глаза, — избегает ответа.

И беззубо смеется разбитое блюдо
Над стеклянными снами ворчливой старухи...
И мосты — одинокие, скорбные руки.
И озябшие пальцы никак не сомкнутся.

ноябрь ... декабрь 1982

* * *

Об обыденном обыденно,
о несуетном несуетно —
обо всем, в пути увиденном,
серым грифелем рисую я.
Облака, как привидения.
В луже — осень — отражение.
И дождинка: вся — падение...
И снежинка: вся — кружение...
Межсезонье, время скверное.
Все плывет, двоится, множится...
Верх — и низ. И я, наверное
где-то между — белой кожей.
Перепутанные линии,
непонятные и глупые:
лица, имена, фамилии —
а по ним штрихами грубыми
города: изображаю их
с высоты полета птичьего —
и не то чтобы принижая их,
и не то чтобы возвеличивая...
Чьи-то спины, руки, головы.
Кто смеется, кто советует.
Все кругом не то чтобы голые —
но уж как-то не одетые...
Пешеходы, пешки, ходики...
Я все время что-то путаю.
Вовсе не босые вроде бы,
а, скорее, необутые.
Да, не мне с моими мыслями
предъявлять мои вопросы им:
ведь они отнюдь не лысые,
а всего лишь безволосые.
Я — бумага, я — терпение.

И рисую светло серым я:
облака, как привидения,
межсезонье, время скверное...

август 1981

Рондо

Блаженные маски. Улыбки застыли.
Увиделись наспех — и сразу забыли.
Ленивое чудо. Тупая насмешка.
Зеленое утро — и новая спешка.
Убогая живость на грани зевоты.
Какая наивность — старинное фото!
Святая природа, гнилая болтанка...
И чья-то свобода — безумна, как танго.

Я на ладони.
Видите, какой
мелкий?
Ненастоящий.
Так забавно: что-то показываю спичечной рукой,
что-то пишу тоненьким
голоском —
и пугаюсь — вдруг,
когда на запястье
часы шевелят блестящими
стрелками.
Вам интересно: игрушечный испуг,
игрушечное счастье,
игрушечная жизнь придуманного человечка,
созданного Вами по Вашему образу и подобию.
Свечи —
И вечер ка-
кой-то утомительно добрый...

Блаженные маски — ленивое чудо.
Улыбки застыли: тупая насмешка.
Увиделись наспех — зеленое утро —
И сразу забыли, и новая спешка.
Убогая живость — святая природа!
На грани зевоты гнилая болтанка.

Какая наивность. И чья-то свобода —
 Старинное фото — безумна, как танго.

Где-то здесь был я. Вы не замечали?
 Вот, оставил себя неизвестно кому.
 Теперь ищи его! Две таких случайности —
 мистика. Знаю, накушался мук.
 Оно, конечно, и незачем вроде:
 пропал — бог с ним, или как его там...
 Да только подумаешь: вот, один, бродит,
 терзает себя, недотепа, — и совестно отчего-то.
 Понимаете, он ведь такой беспомощный,
 ни шагу ступить — а туда же, хорохорится!
 Мне и то мои мгновения слабо тащить —
 хорошо, кто посильнее ими кормятся.
 А Вы интеллигентный, как олимпийский рубль!
 В мире, известно, всякое проистекает.
 Так что, в случае чего, не надо совсем грубо.
 Пожалуйста, если можно, не надо его ногами.

Блаженные маски. Убогая живость.
 Улыбки застыли на грани зевоты.
 Увиделись наспех — какая наивность!
 И сразу забыли старинное фото.
 Ленивое чудо, святая природа:
 Тупая насмешка, гнилая болтанка,
 Зеленое утро, и чья-то свобода —
 И новая спешка. Безумна, как танго.

Если бы я мог знать, который сейчас год,
 я бы очень обрадовался и сказал всем:
 смотрите, как много лет живет наш человеческий род! —
 значит — неплохо. А если плохо, то не совсем.
 Если бы я мог знать, который месяц настал,
 я бы воскликнул радостно и горячо:
 люди! смотрите! как много еще осталось!
 у нас в запасе целая вечность еще!
 Если бы я мог знать, который идет день,

я бы тогда ворвался в добрых идей лёт:
видите? — дней у нас гораздо больше, чем людей, —
следовательно, никто не может быть обделен.
Если бы я только мог знать, какое сейчас время дня,
который час, или минута, или секунда... Но, к сожалению,
все, что я знаю, — бессвязные доли мгновения.
Может быть, кто-то знает больше меня?

Блаженные маски. Улыбки застыли.
Увиделись наспех — и сразу забыли.
Ленивое чудо. Тупая насмешка.
Зеленое утро — и новая спешка.
Убогая живость на грани зевоты.
Какая наивность! Старинное фото.
Святая природа. Гнилая болтанка.
И чья-то свобода — безумна, как танго!

январь ... март 1983

* * *

Мне предложили написать
о том, как будущее в муках рождается.
Выхожу на улицу, по сторонам — глядь,
и говорю: пожалуйста...

Стяжатели! Вам не поможет полнота.
Уймьтесь, покорители небес.
История смешна — в веках приобретает вес
из всех — одна случайная черта:
в достатке жил Тантал,
был славен Ахиллес —
а что осталось? — Муки и пята.

Юмор времени мрачен.
Впрочем, никому не возбраняется
желать удачи,
аудиторию дурачить,
вдохновенно распространяться
в списках, томах и облигациях —
или просто в одиночку скучать зимой на даче.

Сотворим себе развлечение,
а кому-нибудь — облегчение,
а в заключение
продемонстрируем, как мы умны.
Понятно дело, благо для страны.
Как же! — приключение,
экзотика: идем гуськом, соляные слоны.

Я и вам советую не возникать.
Кто хочет — пусть жалуется.
А нам плевать.

июль 1984

Истина

Человек! Гной еси и кал еси!

Чего ты ждешь, несчастное создание?
Какого торжества?
Пойми, смирись! — Нет в жизни содержания,
Одни слова.

Вот твой удел: покорность и терпение,
Забвение и тьма.
Ты осужден на вечное кружение
Химер ума.

Плюнь на свои благие начинания —
Слепая блажь они!
Себя венцом, вершиной мироздания
Не возомни.

Молчи, любуйся на свое убожество
И нищету навек.
И знай, что ты последнее ничтожество —
Ты, человек!

март 1986

* * *

Бойтесь справедливости, которой
добиваются с чрезмерным азартом.
Подлинная справедливость мало
кому нравится.

Зиновий Юрьев
Человек под копирку

Я преступил. Вершите суд.
Мне очень больно и тоскливо.
Пусть вам слова привычно лгут
Про то, как совесть справедлива, —
Она молчит, она стыдлива —
Ей слаще пряник, а не кнут.

Ошибка — случай. Просто глупо
Винить себя за чей-то хрип,
Когда галоп сдирает с крупа
И ребра вдавливают в крик,
А ложи плещут: повторить! —
И кружева летят на трупы.

Забыть про все. На все плевать.
Дойти. Остервенеть. Решиться.
Еще хоть перышко урвать.
Закончить лишнюю страницу.
Болотной гнилью — но поддаться;
Хоть глупо — но существовать.

Я эгоист. Ну-ну, клеймите.
Развесьте красные флажки.
В святой наивности укрытий
Жакан жуют дробовики,
Иуды тянут поводки,
И солнце — красное — в зените.

Ура! — загнали. Дамский смех,
Трусливо пошлые остроты...
Какой блистательный успех —
Траву умыть кровавым потом.
Зверь вышел, получился — вот он,
Один, идет на вас на всех.

Шепнет клыкастая природа:
Достать — не в горло, так в штаны!
Потом — мгновение тишины —
И шелест облегчения: продан.
И — справедливость и свобода,
Как миф о совести, черны.

февраль ... март 1983

Снегопад

Октябрь изошел, рассыпая прозрачные искры.
И, паникой комкая лица бегущих мгновений,
как пьяный султан в ложе первой своей одалиски,
косматой лавиной врываются в полночь олени.

И слухи по улицам шепчут холодным и грязным,
как вьются портьеры, портвейном и спермой закапаны,
сорит кружевами от страха свихнувшийся праздник,
хвоистые стрелки качает мохнатыми лапами,
как взбалмошно гулкие всполохи северных прерий,
нетвердым чеканом пройдя по тяжелым озерам,
над Иерихоном трубят шестикрылые звери,
двурогию чашу клеймя ядовитым позором.

А там, где каминней погода, и взгляды стеклянной,
где через манто жемчугами бледнеет истома,
колючие знаки роняют бутылки на грани
звезды малярной в посылке из желтого дома.

2...6 ноября 1982

Сильветта

Я узнал Вас!
Это Вы уходили во тьму
от пещерных костров
мягкой поступью черной пантеры,
еще долго
кружа у охотничьих троп
и пугая детей
ожиданием сладкой добычи.

Я Вас помню.
Вы просто одна из рабынь,
обреченных на гибель
героям
нести
сквозь фальшиво доступные сети
точные раны
клинком сумасшедшей Кибелы.

Я бывал на турнирах,
где Ваш белоснежный платок
обещал победителю
ничто
под именем рая, —
а когда ломалась броня под взаимной злобой двух копий,
молчаливые слуги
спешили
скорее убрать
эти груды мертвого мяса.

Мне знакомы дуэли
из-за невинных намеков.
Ваша гордость чиста —
прокаженные, воры, поэты, бродяги,
гении и тупицы,

одинаково беззащитны,
беспокойною свитой за Вашей спиной —
призраки самоубийц.

Я узнал Вас!
Как только заметил
контур лица, и глаза, и ресницы, и губы, и тело,
и коснулся Ваших волос,
и услышал Ваш голос —
я понял: это конец.

Но я поступлю хитрее:
я пройду мимо —
и перестану быть человеком.

май 1984

Linimentum streptocidi

Бессонница — это неправда.
Все откровенно хуже.
Бесстыжая маска праведника
стреляет глазами-лужами,
бумаги рябое личико
наивно, как пастораль...
Совесь, Ваше Величество.
Смилуйтесь, бога ради!
Что мне в моем бессмертии?
Невелика потеря.
Ну вот, опять не верите!
Да я и сам не верю.
Просто дышать хочется.
Просто не в силах вынести
вежливости почерка,
благопристойнорылости,
радостной арифметики,
срочности вдохновений,
получки два раза в месяц,
а в квартал — еще и премии,
выдуманных приказов,
планов горящих мути...
Люди! Прошу вас. Кто-нибудь.
Поверьте на этот раз!
Впрочем, зачем? Ладно уж.
Потихоря выплачусь.
Рифмы придут, радужно
мокрые — от избытка чувств;
чтобы потом все равно мне:
в небо, в окно, в двери ли;
чтобы и впредь знакомые
маске моей верили.

август 1982

Поздравление

Бывает так: сплетет беда
Людей, дела и города
Клубком коварства и измены —
Ты вязнешь в тупике Вселенной,
А из тумана, как всегда,
Встают одни слепые стены.

Что пожелать, что вспомнить нам?
Увы, пуста и холодна,
Ты будешь созерцать одна,
Как от невыносимой скуки
Растет последняя стена
Всемирным праздником разлуки.

Так в добрый час! Живи в плену
Неполучившихся минут
Свободы, лжи и сострадания...
Пусть безмятежно дни летят —
И губ твоих не возмутят
Ни страх, ни боль непонимания.

март ... июль 1985

Горько

Эй, гуляй, гуляй, народ,
Жми-наяривай!
Кто чем кормится-живет —
Разбазаривай!
Пьянствуй в бога душу мать,
Со блевотою! —
Что потратим, то опять
Заработаем!

Хошь кинь, хошь возьми —
Все сгодится для казны!

Вон, красавица идет —
Губы алые,
Обольстительно несет
Груди впалые.
Только ой, не помога-
ет политика:
Полюбила дурака-
сифилитика!

Хошь брось, хошь вернись —
Замечательная жизнь!

А намедни случай был —
Дрожь по косточкам! —
Секс-маньяк в лесу словил
Вертихвосточку.
Уж как он ее, увы,
Не помиловал —
Всю от ног до головы
Изнасиловал.

Хошь верь, хошь не верь —
Не испортится теперь.

Где столетний старичок,
Но с потенцией, —
Подкатился под бочок
К старушенции.
Только начал поднимать
Плоть трухлявую —
Глядь, а рядом-то сама
Смерть костлявая!

Хошь плюнь, хошь дрожи —
Все равно заморозит!

Ой, любовь, любовь-тоска,
Гости пьяные!
До чего же ты горька,
Окаянная.
Что появится на свет —
Не расплатишься.
То ли будет, то ли нет —
Все наплачешься.

Хошь мри, хошь живи —
Нет лекарства от любви!

декабрь 1984

* * *

В странной стране Фантазии
На Берегу Мечты —
Море Разнообразия
И Океан Красоты.

Там, где надежней счастье,
И где любовь сильнее,
Бывают — хотя нечасто —
Гости из наших дней.

Бродят, на всех натываются,
Спрашивают невпопад —
И неохотно прощаются,
Возвращаясь назад.

Ну а потом, грустные,
Смотрят в чужую ночь,
Что-то такое чувствуют —
Только сказать невмочь.

Утром — приказ будильника,
Острых забот гроза...
Прячут в очки пыльные
Дымчатые глаза,

Делают жизнь, как можется,
Честно и не спеша, —
Но на волшебном поезде
В вечность летит душа.

А на последней станции —
Музыка и цветы.
Будто в стране Фантазии
На Берегу Мечты.

... декабрь 2001

Призрак

Я сломлен — но не покорен.
Без голоса — но протестую.
Пусть посмеются: жизнь впустую! —
Таков наш век, будь проклят он!

Я все-таки пытался жить
И до конца тянулся к свету.
Пусть говорится: канул в Лету —
Я чувствую: не может быть.

Когда узнал свою звезду,
Что значит бесконечность терний!
Пусть не заметят даже тени —
Мой час придет, я подожду.

август 1989

* * *

Женщины-поэты. Правый боже!
Смертоносней тысячи стихий
Этот вопль несбывшихся наложниц,
Эта горечь — женские стихи!

Эмоциональная отдушина,
Бред неудовлетворенных тел.
Так ли уж вольна и равнодушна
Показная поэтичность тем?

Все вы безусловно гениальны
И достойны всяческих похвал...
Только — призрак одинокой спальни
В глубине рифмованных зеркал.

В чистые абстракции влюбленным,
В девичьих мечтаниях до седин,
Подавай вам принца, аполлона!..
Сколько вас! — а Аполлон один.

Спрячьте ваши половые ранки,
Утоните в суетливом сне.
Женщины-поэты, лесбиянки!
С музой — шлюхой — ночь — наедине.

... сентябрь 1992

Гамлет

Над столицей бездыханной
По тарелке оловянной
Месяц ходит, будто пьяный —
Ночь темна.
Дохнет дактиль светофора,
Домечтавшись до упора,
Теореме Пифагора не до сна.

И забору станет больно от проблемы треугольной!
Ухмыляется довольно
Белый шум.
Кое-где туман халтурит —
Словно хлюст в джинсовой шкуре
В подворотне мрачно курит анашу.

Может, что еще родится.
Если только не случится родственничек бледнолицый,
Лысый черт.
По жестянке водосточной —
Дождик телеграммы срочной,
Окончательно и точно,
Как аборт.

Тянет запахом навозным,
Шлепаются в лужу звезды,
Наблюдая в гипсе позы каратэ.
Почему-то каждый атом
Посылает мокрым матом суммы, катеты, квадраты и т. д.

Наше дело молодое,
Молодое, холостое —
Чтобы не было простоя,
Пей до дна!
Бог с ней, стервой оловянной,

Где походкою туманной
Месяц ходит, будто пьяный.
Ночь — темна.

июнь 1984

* * *

Так бесхитростны как будто,
Подкупающе просты...
Незабудки, незабудки —
Непонятные цветы.

Что вам нужно, искры лета,
Блестки юного огня,
От бескрылого поэта —
То есть, значит, от меня?

Все советы, да намеки,
Ситцевая болтовня,
Слезы, жалобы, упреки...
Что вам нужно от меня?

Это раньше мог сорваться,
Полыхнуть во все глаза,
Мог поверить в дым акаций...
Все. Довольно. Завязал.

Пусть теперь кто помоложе
Кружат голову весне;
Пусть кто может — им поможет.
Ну а кто поможет мне?

Отгорели грозовые
Многоцветные мосты —
До свидания, дорогие
Непонятные цветы.

Не шепчите, не зовите,
Перестаньте ворожить!
И, пожалуйста, простите.
И попробуйте забыть.

март 1982

In sich

У меня шелковистая шерстка —
говорят, она белая.
Еще говорят, что глаза у меня голубые.
Не знаю.
Люди так много говорят, и так странно!
Они чувствуют пищу
гораздо раньше, чем я могу ощутить ее запах.
Это называется: видеть.
Еще они умеют
отличать одно от другого —
не по запаху,
не по особенным звукам,
не на ощупь, —
а как-то иначе.
Это называется: видеть.
Я так не умею. Мне нравится
когда тепло и уютно,
когда есть вкусная пища —
когда ласково называют по имени.
Но когда я свернусь
маленьким мягким клубочком,
и всем кажется, что я сплю, —
я думаю.
Так странно:
зачем мне глаза?
Есть уши — я слышу звуки мира.
Есть ноздри — я впитываю его аромат.
Язык — чтобы пробовать вещи на вкус.
Могу дотронуться лапой, заметить усами.
Разговариваю хвостом.
Но глаза...
Глаза говорят мне, что бывает очень темно,
или немного светлее —

вот и все.
Что значит — они голубые?
Что значит — белая шерстка?
И вкусное, и невкусное бывает одного цвета —
так получается у людей.
Мне знакомо все, о чем они говорят, —
может быть, по-другому, — но все-таки знаю.
Я даже умею почувствовать небо, и солнце.
Но есть еще то,
что называется: звезды, —
и это очень красиво.
Вот бы хоть раз
лизнуть их своим языком,
ткнуться в них носом —
или просто послушать их голоса!
Но мне никогда
не дотянуться до звезд.

октябрь 1992

Юбилей

Не искал наслаждений земных, не боялся стеклянной удачи —
Просто тихо мечтал, ненавязчиво бредил бесплотным обманом,
Просто думал, как будет тепло, если вырастет солнечный зайчик,
И смотрел, как умел, в тишину, в неподвижную раму туманов.

Таял кем-то придуманный быт, в зыбкой радуге прятались скалы,
Опадали с прогнувшихся душ ненасытно недобрые ноши;
В очень дальних краях, в лабиринте безоблачных залов
Под ногами струился хрусталь, до безумия чист и роскошен.

Белой памяти крутится круг, вьюга путает такт и светила,
Словно где-то снаружи поскрипывает пожилая шарманка,
Что достаточно существовать, незаметно и невозмутимо,
Как старинный китайский фарфор в тайном сейфе швейцарского банка.

Тишина пробудившихся красок, смущения чистый рубин,
Первых слов новизна — их нельзя разменять откровением все...
И душа с поволокой тоски иногда из зеркальных глубин
Нерешительно пробует тронуть нагие, воздушные струи.

Фонари под ногами — непрочное таинство огненных точек.
Торопливые мысли: в плащах, с отогнутыми воротниками, —
Покидают арены слепой и беспомощный желтый комочек,
Уходя в паутину чернил, словно серый, задумчивый камень.

И хотелось догнать, пережить — удивиться старинным знакомым...
Но смешались следы: от дождя, от погоды и долгих сомнений —
Привидения диких резцов вдохновенно гранят катакомбы,
Раскаленным глазам ничего объяснить не умея.

Неужели так будет всегда? — Монотонность костюмов и лиц,
Бесконечная проба пера, ненадежность случившихся знаний...
И привычно холодная боль, в центре голой и плоской Земли,
На постылом паркете, чужом и забрызганном мертвыми снами.

март ... 13 июня 1983

* * *

Светило падшее уже давно не греет,
Усталый город скрыла ночь-манто,
И замерла Вселенная — и время
Остановилось перед темнотой.

А в темноте все те, что не сумели
Себя узнать, понять и воплотить,
Мечтают в летаргической постели:
Когда-нибудь проснусь — и буду жить...

Но час за часом снами в вечность вылит,
Сил нет сойти с уютного креста.
И на пустынных улицах застыли
Судьба и полночь — смерть и темнота.

ноябрь 1984

Диптих

1

Я твой и телом, и душой,
И ты моя — но только телом.
Так получилось: мы с тобой
Навек в союзе опустелом.

Звезда и бездна, блик и лед —
Мы вместе, мы неразделимы;
И кажется: весна придет —
И все становятся любимы.

Как жаль, что так не может быть!
Жизнь холодней, и строже годы...
Ты не смогла меня любить,
А я — вернуть твою свободу.

2

Я отдала тебе сердце,
Хотела твоею быть —
Но ты не сумел, мой милый,
Только меня любить.

Ты ласков со мной и нежен,
Радуюсь, грустим
Мы вместе, но ты — далеко,
Душа твоя — в пути.

Мне просто, легко с тобою,
Я знаю тебя вполне
И мысли твои читаю... —
Жаль, что не обо мне.

август 1992

Вариации

микропоэма

Сыпью мучнистой ноя,
по тротуарам талым,
город болел весной —
медленно и устало,
тяжело дыша, температурил,
жаловался на ломоту
в старых кварталах —
бредил тусклым потом
и беспричинно хмурил
рваные серые брови,
влажные, когда вдали от стальных
перекрестий
последние стальные крепости
таяли, как здоровье.

Слабые веки смыкаются
все чаще.

Тьма.

В сумерках
просыпаются
мокрые ящики —
дома.

Грязные мысли в поры
впитались —
быт.

Сжались в кулак норы,
желтым скалясь, —
гробы.

Тесно,

тесно,

тесно!

Тихий протест:

где же
ты,
белесая плесень
новых надежд?

В комнате: лампа, окно, телевизор,
электрокамин, мельхиор, ночник,
дети, иконы, сервизы,
корешки патриотических книг.
В воздухе: музыка, зелень, молекулы,
будильник, вопросы, табачный дым,
шепот, шаги, духи, омлет,
телефон, пыль, воздаяние за труды.
В сущности: просто, нормально, наивно,
правильно, не известно, все равно,
глупо, прекрасно, очевидно,
бездоказательно, смешно.

Позолоченные струны не могут петь о любви.
Даже если кормушка полна, и хватает воды.
Полосатые обои, безвинно
перечеркнутые, как философские труды
доморощенных мыслителей, —
они достойны высочайшего пренебрежения.
Мадемуазель Свобода, недоступная женщина, —
как Вы ненавистны оканареившейся элите!
У Вас нет драгоценной жердочки и запертой дверцы.
У Вас нет крыльев, подрезанных по новейшим модам.
Вы лишены возможности прятать красивый голос и доброе сердце.
И главное — Вы не свободны от Вашей дурацкой свободы!

Ночь повторяет себя, вызывает на бис —
черные вальсы реют.
Вялая осень глушит шаги судьбы —
вечная тема, время.
Уличные слова, паперти на замке —
губы не греют.
По куполам авто, лайнеров и ракет —

суть одна:

 все
 бессмысленно, как
танцевальный марафон.

Ножки. Ноги. Ноженции. Ножищи.
Прямо по глазам.
Туфельки. Ботинки. Штиблеты. Сапожищи.
Скользят.
Красные глазницы непроницаемы.
Тезис — антитезис. Отрицание.
Люди!
Прислушайтесь!
Да как же так?
Где там! они ведь очень заняты.
Потом, когда выbleван праздник,
какими
 вы
 будете смотреть
 глазами?

Мимо.
В метро.
Пятаками лязгающие.
Тени сосредоточенно жутки.
А с ветхого неба отрешенно падают руки,
как ночные снежинки над сельским кладбищем.

~ 1979 ... 20 июля 1983

* * *

Земля от холода дрожала,
Ей не хватало теплоты:
Озера, горы и кусты
В озябших пригоршнях держала,
Упряtywала все плотнее
Под облачные свитера —
И бегала вокруг костра,
Бока по очереди грея.

А на поверхности Земли
Кормились, пили и блевали,
Спали, обычаи блюли,
Дарили жизнь и убивали.
Там знали все: толпа, элиты,
Умов напыщенная медь...
И голоса сердец разбитых —
Их было некому согреть.

Земля покорная лежала —
Она не прятала цветы,
Когда заводы и кресты
В нагую плоть вонзали жало.
Но ей хотелось теплоты,
она от холода дрожала.

сентябрь ... октябрь 1983

Рождество

Природа обнажена,
Как челюсти динозавра.
Ей попросту не нужна
Внезапная вера в завтра.

Осыплет и занесет —
Тупые шаги громады.
Еще один прошлый год —
И все. Ничего не надо.

И это моя судьба:
Упасть, замереть, разбиться.
Бессмысленная борьба
Бессмысленно долго длится.

Но кончится как-нибудь,
На вздохе, на полуслове, —
И в этом пустая суть
Туманных позывов крови.

Я знаю: да будет так.
И нет надо мной судьей!
Есть Космос: звезда и мрак —
И будет лишь то, что будет.

октябрь 1991

* * *

Старость — просто усталость.
Так уж бывает:
Тех, кого душит старость,
Жизнь добивает.

И — неподвластны лени —
Или — в плену гордыни? —
Новое поколение —
Сильные, молодые.

Призрачность идеалов,
Ненасытность тела...
Даже звезда упала —
Что им за дело!

Пахнут закатом травы...
Как от погони,
Мчат по степи кровавой
Дикие кони.

Можешь — звени гривой.
Сбился с копыт — падай.
Не был конец счастливым.
Значит — так надо

август 1990

К Н***

Который раз младенческой душою
Поверил я в улыбочивость судьбы:
Я жить хотел, и жизнь любить —
О, как жестоки были вы со мною!

Как много грязных и тупых сапог
Прошло по мне кровавой пеленою.
Вам кажется, что я жесток —
Но как жестоки были вы со мною!

Я больше не могу играть с судьбою —
На все один ответ: не может быть.
Как мне теперь жить, и любить?
О, как жестоки были вы со мною!

И выросла вокруг меня стена,
И вы на страже моего покоя,
Терпение и тишина —
О, как жестоки были вы со мною!

декабрь 1984

* * *

В смурных, насупившихся улицах,
Когда становится темно,
Очаровательные умницы
В романы смотрят перед сном.

Уют, дремота, бра багровые.
И дом — надежен и лучист —
Сжимает их петлей очковойю.
Интеллигентен, как садист.

У них во сне все так, как хочется.
И принцы пляшут менуэт.
А рядом — небо в лужу мочится.
И хочет взвыть — да мочи нет.

По скверам прячутся увечные:
Смех истеричный, мат и лай —
И там совсем другие женщины.
И там у них свои дела.

Им бы найти какого чудика.
Чтобы мял и тискал от и до.
Гипертрофированные груди —
Как у индийских примадонн.

И вот, скитаются. Накрашены.
Грубят и курят. От тоски.
С газонных дохленьких ромашек
Рвут, стервенея, лепестки.

А впрочем, бог с ней, всякой скверною!
Вы так невинны и скромны.
Спокойной ночи, правоверные.
Пусть вам не напророчат сны,

Как слезы по столу размазаны,
Как под свирепствующий джаз.
Луна зияет. Одноглазая.
И дождь шумит. Как унитаз.

декабрь 1982

Зеркало

Очень давно, и неведомо где,
дикие звери лесами бродили,
а иногда — превращались в людей.
Но для чего и зачем — позабыли.

Будто проснулись в пустой суете:
вместо родного, уютного дома —
пошлая похоть бесчувственных тел,
горечь вины и тоска по былому.

Так и осталось на веки веков:
в глупых мечтах о потерянном рае —
тупость маньяков и фарт дураков
судьбы вершат и в свободу играют.

Будто и не было в мире весны.
Золото, власть, сумасшедшие боги —
искры надежд, бесполезные сны,
ложные знаки на зыбкой дороге.

Кончится осень, настанет зима.
Тусклые души, усталые лица —
окна в чужих и холодных домах,
где никогда ничего не случится.

1991

* * *

У нее красивые губы,
И пальцы ее тонки...
Я мог бы поцеловать их
В мерцании лунной строки.

Я мог бы шептать клятвы
И ласковые слова,
И от ночной фиалки
Кружилась бы голова,

И плыли бы вдаль звуки,
Переплетаясь хитро,
А на волнах качалось бы
Лунное серебро.

Но некогда верить в сказки —
Заботы, долги, дела...
Я даже не обернулся,
Когда она мимо прошла.

Где уж там лунные строки!
Мне бы свои связать.
У нее красивые губы —
Вот и все, что я мог сказать.

август 1992

* * *

Мягкий свет, медовый звук,
Сдержанные краски,
Легкий запах плавных рук,
Волны долгой ласки...

Горечь краденой зари,
Счастье напускное...
О мгновение! Забри —
И умри, со мною.

июль 1991

Проклятие

Чем дальше, тем хуже. Ни радости, ни утешения —
Обман и убожество, подлость и нищета...
За болью — падение, после обиды — крушение.
Скорее бы смерть, омерзительна — и пуста.

Я согнуть хочу, как и все, бесполезно и тупо,
Вдохнуть невпопад, захлебнуться поганой тьмой.
Давайте, давите! Глумитесь над свежестью трупа,
Втирайте в такое же, как и сам я, дерьмо.

Но нет, не дадут! Откачают, и матом покроют,
И скажут, что делать, на горе себе и другим.
И снова тонуть в безысходности — и над головою
Опять без конца бесконечного ада круги.

сентябрь 1986

Логика

Непокоренным — странная судьба.
Казалось бы: так просто быть счастливым!
Но что ни день — то новая борьба,
И звезды, как всегда, несправедливы.

Я убегая от опасных встреч,
От злых речей и подлого внимания,
Хочу хоть каплю теплоты сберечь
Для дружбы, для любви и сострадания...

Все — все. Воспаленные глаза,
Больная совесть, память о любимой...
Да, так давно не помню кто сказал:
Свобода и покой — несовместимы.

декабрь 1990

* * *

Кружатся листья, кружатся листья,
Крыльями машут, на юг улетаю,
Кружатся окон пустые глазницы,
Кружится неба глазница пустая...

Словно под ветром, клонит ладони;
Простоволосые шорохи ранит
Тонкий орнамент минорных гармоний;
Улицы, вымощенные зеркалами,
Светятся: камни, крыши, газоны —
Светлых дождей бесконечные струи
Мелким ознобом бегут к горизонту,
Чистыми красками осень рисуя...

Падают листья, мокрые листья,
Город насупившийся заматают...
Кружатся птицы, белые птицы,
Чьи-то холодные мысли читая.

сентябрь ... 18 октября 1982

Праздник

На светлых обоях мишура фиолетовых пятен.
Тем, кто не верит в приметы,
смешно: что там! подумаешь, лошадь спятила —
сумасшедшая лошадь ярко-табачного цвета.
В работу, в парик! — ядовитым упиться,
язвы влить в безнадежный оскал.
Женщины, волнистые самоубийцы,
давайте не будет — пока.
Смотрите вверх: какие черные вина!
В эти портьеры можно влюбиться.
Вздор и маразм! — веснушки уродуют лица.
Позвольте, а где же вторая половина?

Тихо!
На грунте тупой икоты,
сквозь крошево карт,
рождается в муках одна бесконечная нота,
зеленая, как одинокая кошка.
Простите, прощайте, знобяще туманные зубы
изодранных масок — грим.
Надо — зароем в груды грязной посуды
голубые блюдца аптекарских доктрин.
Глупая канарейка, чтоб ей разбиться!
Выплюнула свежеотпетое вчера.
Вперед, товарищи самоубийцы —
во имя, да здравствует и ура.

А все-таки жалко милых смешных полушарий:
они опять неустроенно
прядают ушами,
как тени античных героев.

8 марта 1983

Перед сном

Быть может, это плохо — больно? — странно?
Полупросохшей простыней тумана
завешен горизонт, куда упал давно
кровавый ком зари — искусство икэбаны:
раздавленный пион течет сквозь полотно,
как ржавое пятно.

Опущены слова на окна и витрины.
Какая тусклая пора —
весенних вечеров блатные флюгера,
и потолки подъездов паутиной
покрыты наспех, как ненужными ферматами — игра
на светском пианино.

Букеты хрупкие в хрустящем целлофане
безумно дороги. Бегут часы свиданий,
идея фикс:
там, за аляповатостью афиш,
провинциальная звезда канканит
прощальный бенефис.

Быть может, это все — а может, нет?
Приятно пережить спокойно и без блеска
еще один докучливый роман. Стемнело. Зажигают свет.
Вдруг — рамы, настезь, резко...
Полощет по ветру чужая занавеска
твой пыльный силуэт.

апрель 1984

Пирр

Итак, закончена строка.
Ни радости, ни удивления,
Ни торжества, ни сожаления... —
Одна холодная тоска.

И в одинокой пустоте
Молчание мертвых легионов
Безлично и опустошенно
Ведет унылый счет потерь.

Меланхолическая повесть,
Один из сумасшедших снов.
Все просто, прожито давно,
И все равно — при чем здесь совесть?

Свою ли, чужою кровью,
Через войну, через суму...
Ты победил — ура герою! —
Ты пал — мир праху твоему.

... февраль 1991

Пророк

Иллюзий больше не питаю
И быть поэтом не хочу.
Ночами сплю — и не летаю.
Дневных сомнений — не лечу.

Всему на свете есть предел:
Вкусил блаженства — жди потери.
Как все, мечтал, стремился, верил —
И вот, остался не у дел.

Лишь иногда, в угоду снам,
Мой стих серебряным прольется —
Великолепен, как луна
В провале дряхлого колодца.

13 февраля 1991

* * *

Сутки истекали кровью
За сиреневым окном.
Я боролся не с любовью,
Я боролся с белым сном.

Белым, абсолютно белым —
Будто в снежной вышине
Белый маг рисунки мелом
Наколдовывает мне.

Чтобы мечталось ошибиться:
Что чужие, что свои.
Чтобы медленно забыться
В беспросветном забытьи.

И тонуть, тонуть и таять,
Растворяться, как стекло.
День и ночь, любовь и память —
Все одно, белым-бело.

Сутки истекали кровью
За сиреневым окном.
Я боролся не с любовью —
Я боролся с белым сном.

Боль далекая, хмельная:
Где я, что я, кто кого,
Столько лет не понимаю —
И не помню ничего.

февраль 1990

Квадратура

Все мимолетно, все случайно,
Все прихоти подчинено...
В чьей мудрости первоначальной
Рациональное зерно?

И покорителей природы,
И связывателей времен
Страхнет с ногтей своих, как воду,
Брезгливой вечности закон.

Что пользы гнуть мозги и спины,
Когда не нами все равно —
Кому судьба, кому судьбина —
Давно и прочно решено!

Таков сухой остаток тайны.
Кто хочет возлюбить его?
Все мимолетно, все случайно —
Как высшей силы торжество.

декабрь 1989

* * *

Я пришел
к берегу большой реки.
Одинокий листок жасмина.

Холодно.
Черный след на снегу.
Случайные блики зари.

Когда-то
хотелось ветра и солнца.
Терпкий аромат голых веток.

Поверни.
Старые холмы и пади.
Томительная жалоба облаков.

Я пришел.
Медленный горизонт.
Зябкая влага вечера.

... март 1986

Бессмертный

Я думаю, что я счастливей вас.
Пусть вам все удалось, всего хватало —
А мне всю жизнь казалось слишком мало
И звонких дел, и завершенных фраз...

Но жизнь прошла. И в этот светлый час,
Когда душа от брэнности устала,
Решит судьба, которому из нас
Какого быть достойнее финала.

Ночь догорела — и костер погас.
Невидима звезда — но чей-то глаз
Ее найдет, лишь только тьма настала.
И вспомнится оборванный рассказ —
И будет жить, и будет каждый раз
Терять себя — и начинать сначала.

ноябрь 1992

* * *

Мрежится точная проледь:
сломаны лица безмолвным прощанием.
Капли усталости,
эхо теряет слова — проиграна роль.
Мокрая память сирени —
скомкан, в песчинках, платок.
Значит — такая судьба.
Пристально тонут понятия в дымке соленых губ.

Только не надо ждать,
помнить, и знать, и пророчить.
Сумерки летних глаз,
желтые эльфы — пахнет пустыней венки.
Время прилива:
тлеет захлеб карнавала зеленого власть.
Значит — такая судьба.
Накатило на тихую пристань.

июль 1982

СОДЕРЖАНИЕ

Три звезды.....	3
Ленинградские сны.....	4
Об обыденном обыденно... ..	5
Рондо.....	7
Мне предложили написать... ..	10
Истина.....	11
Я преступил. Вершите суд... ..	12
Снегопад.....	14
Сильветта.....	15
Linimentum streptocidi.....	17
Поздравление.....	18
Горько.....	19
В странной стране Фантазии... ..	21
Призрак.....	22
Женщины-поэты. Правый боже... ..	23
Гамлет.....	24
Так бесхитростны... ..	26
In sich.....	27
Юбилей.....	29
Светило падшее... ..	30
Диптих.....	31
Вариации.....	32
Земля от холода дрожала... ..	37
Рождество.....	38
Старость — просто усталость... ..	39
К Н***.....	40
В смурных, насупившихся улицах... ..	41
Зеркало.....	43
У нее красивые губы... ..	44
Мягкий свет, медовый звук... ..	45
Проклятие.....	46
Логика.....	47
Кружатся листья... ..	48
Праздник.....	49

Перед сном.....	50
Пирр.....	51
Пророк.....	52
Сутки истекали кровью... ..	53
Квадратура.....	54
Я пришел... ..	55
Бессмертный.....	56
Мрежится точная проледь... ..	57